

Майя Кучерская

ТЁТЯ МОТЯ

Майя Кучерская

ТЁТЯ МОТЯ

Роман

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К95

Художественное оформление *Елены Сергеевой*

В оформлении обложки использован фрагмент картины
Роберта Панича «Читающая женщина в интерьере»

Кучерская, Майя Александровна.

К95 Тётя Мотя : роман / Майя Кучерская. — Москва :
Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной,
2021. — 506, [6] с. — (Кучерская : настоящие истории).

ISBN 978-5-17-136071-9

Майя Кучерская — прозаик, филолог, автор книг «Современный патерик. Чтение для впавших в уныние», «Плач по уехавшей учительнице рисования», «Бог дождя», «Тётя Мотя», а также биографии «Лесков. Прозёванный гений». Создатель программы «Литературное мастерство» в Вышке и Creative Writing School.

Марина, или тётя Мотя, — в прошлом учительница русского и литературы — работает корректором в газете. «Адюльтер — пошлое развлечение для обитателей женских романов», — считает она, но внезапно обнаруживает себя в центре романтических отношений. Любовная связь, которой она жаждала и стыдилась, душевные семейные отношения, сумасшедший ритм газеты и неспешная жизнь уездного городка, картины исчезнувшего русского быта в прочитанных ею записках сельского учителя...

Остается только понять, где настоящая жизнь, а где — её имитация.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-136071-9

© Кучерская М.А., 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Забыла закрыть занавески, и комнату затопил мягкий утренний свет. Ветер качнул форточку — плеснуло сырым, свежим, согретым. Вторую неделю стояла ласковая обманчивая теплынь.

Было до странности тихо, только чуть слышно скреб в стекло тополь, такой высокий стал, совсем вырос, а тихо-то, как в деревне, но едва она подумала это, всё кончилось — грохнула дверь вниз, по двору зацокали каблучки, загомонили дворники, зафырчал, замучился никак не заводившийся «запорожец». Коля дружил с его хозяином-рыболовом. Захлебнулся детским твяканьем щен — вывели погулять после длинной ночи.

И еще восемь бессмысленных минут. Она жмет на кнопку, отключает будильник. Лежит. В 7:30 откидывает одеяло, набрасывает халат, идет. Обогнать, пройти еще несколько шагов. Всё же хорошо пока, даже выпалась, и погода!.. Но, как обычно, не успевает. Сухое рыданье, тупое лезвие «немогубольшежить» уже ведет, медленно ведет по онемевшей поверхности души. Да ладно уж, ничего особенного: там давно всё исцарапано, исколото, истерто —

деревянное сиденье пригородной электрички. Нормально, каждое утро ведь так: фырк «запорожца», спазм в горле, тапочек с дыркой, собственный знакомый утренний запах.

На пороге в детскую она замирает. Смотрит на косяк двери в отметинах — 2000, 2001, 2003, в этом году померить забыли, смотрит, готовясь к следующему шагу, и вдруг понимает: фальстарт. Накатило и отошло. Обычного утреннего отчаяния нет. Не может быть, она вслушивается. Но правда, правда нету. И сейчас же предчувствие благого перелома, близкого, накрывает ее с головой, обнимает и закрывает легкие, живот, ноги. Всё изменится очень скоро, если не сегодня вообще. Если не прямо сейчас! Тетя ежится, поводит плечами, промакивает ладонью тут же выступившие слезы, шмыгает носом, сбрасывает с себя морок — всё-таки почудилось, помстилось. Но в детскую она заходит с улыбкой.

Здесь еще темно. Темно-вишневые шторы не пропускают свет. Нога наступает на мохнатое — упала с полки Чичи. Когда-то Чичи казалась великаном, ростом с ребенка, но потом ребенок вырос — и обезьянка сжалась, стала крошкой. В бордовом сумраке доживают последние мгновения сны про собачек, плотный свет переливается красками, радужными, речными; свет и сама река, лимонно-медовая, можно лизать. Доброе утро! Мальчик натягивает на голову одеяло. Сонный, теплый. На мгновение из-под одеяла высовывается пятка — и прячется. Она садится на край кровати, вытаскивает ногу назад, покусывает круглые пальчики. Мальчик выглядывает одним глазом, улыбается жалобно. Но тут же веселеет: «Сегодня ты меня поведешь?»

Мальчику ее не хватает — у нее неправильная работа, часто она возвращается, когда он уже спит. Он не знает, что всё подстроено нарочно и такая работа у нее, чтобы... Он не знает ничего.

Она оставляет его досыпать, еще несколько минут, идет на кухню.

На столе в литровой банке с водой стоят кленовые листья, прозрачно-красные, лимонные, просто желтые и желтые с зелеными прожилками, — мальчик собирал их вчера с ее мамой, гулял. Окно было закрыто, за ночь листья надышали: ароматом земли, лисичек, августовского дождя. Листьев больше, чем нужно, они неопрятно торчат, у некоторых завернулись края — но, ясное дело, проститься хотя бы с одним «таким красивым!» он не мог. Потому что мальчик — Тёплый. Так его зовут. Она переставляет букет со стола на подоконник, открывает форточку.

Через полчаса сын умыт и накормлен овсяной кашей, которую, по счастью, любит. Особенно если на каше нарисовать вареньевую рожицу или кота. С вареньем полный порядок — свекровь шлет из деревни банку за банкой. Ест Тёплый хорошо, а одеваться быстро не умеет, Тётя ему помогает, натягивает прогулочные штаны, футболку, которую он надел сам, снимает и переодевает нормально, не задом наперед. Завязывает шнурки. В пять без малого лет пора одеваться самому. Но она слишком редко его видит.

Дверь в третью комнату плотно закрыта — там папа, он спит, сегодня не его очередь.

Они выходят во двор. Сын застывает. Видишь, ты меня спрашивал, что такое туман — вот он, еще немного остался, стелется под кустами. «И под скамейками прячется!» — кричит Тёплый. Подпрыгивает и вдруг смеется. Он вообще смешлив, ее мальчик.

С тополя мягко спархивает ворона, садится на клумбу, разрывает клювом землю. И снова Тёплый замирает и шепчет птице: «Ты что-то нашла?» Но Тётя тянет его за руку. Он делает несколько шагов и снова встает. Мам, а как эти деревья называются? Она не знает, как эти. Тополя? Нет, это не тополя, зато вон там на пригорке, у детской площадки, где в узкий проем между забором и фонарным столбом

ей удалось вчера втиснуть машину, растет одинокое дерево, видишь? Это клен. «Остролистый или сахарный?» — неутомимо уточняет Тёплый. Большой любитель энциклопедий.

Под кленом улеглись две дворняги, пегая и черная, подружки дяди Вадима, их странного дворника в шапочке с шариком-помпоном, друга зверей и детей.

— Он здесь царь, да?

Тёплый снова перестает двигаться.

Сы-нок.

Клен растет на краю детской площадки, ближе к гаражам, широкий, приземистый, «багряный», как сказала бы учительница из школы напротив. Но нет, это красная охра, глубокая, теплая, с отзвуками киновари. В красном светится медь.

Клен стоит неподвижно и вдруг вздрагивает, оживает, по листьям бежит быстрый ветер. Тёплый потрясен.

— Горит!

В самом деле, сухое пламя с треском охватывает дерево, листья гудят и трепещут — неопалимый куст!

Собаки бесшумно поднимаются и мчатся прочь, за гаражи, в сторону школы. Ветер срывает листья, несет вверх, кажется, дерево стряхнет сейчас с корней шершавые земляные комья, рванет в сентябрьскую синьку с молоком. И снова Тётя чувствует: рядом. Вот-вот. Скоро всё будет по-другому. Жмет на кнопочку сигнализации, слышит уютный «чмок». Они наконец трогаются.

Уже в дороге мальчик вспоминает: в сад нужно было принести листья, мы их вчера собрали, на репетицию осеннего праздника.

— Возвращаться не будем, — отрезает она. — Я и так опаздываю.

— И зонтик, — робко, уже без всякой надежды добавляет Тёплый. — Зонтик тоже нужен.

— Зонтик вот.

Она протягивает ему назад корпоративный подарок на Восьмое марта — синий зонт с бронзовым вензелем — валяется под сиденьем давным-давно. Они мчатся по улице Вавилова. Пешеходы бегут на красный свет. «Задавить их?» Тёплый ужасается, хотя шутка стара. «Просто библики им, мам, они убегут». Ехать совсем недалеко, шесть кварталов, двадцать минут пешком, двенадцать на трамвае, шесть на машине. Восемь — если красный свет.

В саду пахнет рисовой кашей с изюмом. Тёплый здешних завтраков не уважает, ест дома, ему выдадут только какао. Тётя расстегивает верхнюю тугую пуговицу, снимает с него куртку, помогает стянуть штаны, распахивает деревянный шкафчик. Там Тёплого преданно ждут истертые сандалии, только что пережившие длинное деревенское лето. Она вешает куртку в шкаф, неудачно, одежда срывается, из кармана выскальзывает несколько каштанов.

Что это?

Но Тёплый, как всегда во время раздевания-одевания, рассеян, страшно рассеян, ему не до застёжек, не до каштанов. «Для коллекции», — роняет он и вновь погружается в думу.

Она достает сандалии, ставит перед ним, слегка тормозит его за плечо. Сын послушно наклоняется, застегивает их — это легко, они на липучках, за то и любимы, поднимает голову, смотрит на нее. «Мама, — произносит он задумчиво, — как ты считаешь, а слон... слон тяжелее бегемота?» — «Считаю, — мямлит она, ставя в шкафчик ботинки. — Да». — «А у бронтозавра в животе поместится крокодил?» — без паузы продолжает Тёплый, и она бормочет, да нет, не уверена, возможно...

Мальчик готов к погружению — губы тыкаются в горячую, подстриженную макушку, пока! Он кивает ей головой: пока, мамочка. Сосредоточенно идет в группу. Там слоны и бронтозавры будут топтать его странный зоопарк, в котором живут черный дракон, анаконда, герои-

ческий динозавр, а по утрам сладко пылают сахарные клены. Краем глаза она успевает заметить, как сын здоровается с Галиной Петровной. Здоровается он всегда одинаково — крепко обнимает крупную и, по счастью, добрую воспиталку со словами: «Доброе утро, Галина Петровна!» Та никогда не возражает, не пытается увернуться. Возможно, всё не так страшно.

Она поворачивает ключ зажигания, смотрит на черного мамонта. Мохнатый детеныш тихо качается под зеркалом, бивней у него еще неросло, вместо хвоста — обрывок шерстяной нитки. Тётя смастерила его два года назад из обрезков своей детской старенькой шапки, бабушка выдала ее для Тёплого — ха. Но для игрушки в самый раз. Тёплый зовет его Мам и каждый раз смеется своей шутке.

Она любила сына с нежностью и страхом материнского животного. Возможно, с дочкой всё было бы иначе. Но дочери у нее не было, а Тёплый, Тёмушкин, Тёма, как вылез весь чумазенький в тихий зимний день ей на живот, как пополз, так сразу и раскинул ручки — обнял маму. И обнимал с тех пор всех мам на свете. Всех воспитательниц, всех девочек в детском саду, на детской площадке и в кружке по рисованию тоже, всех Тётиных подруг, их взрослых и не очень дочек, врачей в поликлинике, даже продавщиц в магазине. А если у них были еще и длинные волосы, тут уж ее мальчик млеет и совершенно теряет голову. Девочки убежали, взрослые гладили его в ответ по голове. Иногда целовали. Тётя смотрела, ей было неприятно, но пусть уж пользуются. Может, им не хватало, а Тёплый грел. Тёплый был не тёпел, а горяч, в этом скрывался его секрет. Положишь на него руку, проведешь ладонью по голове, шее, плечу, схватишь за локоть, и мгновенно! ладонь согрета. В любой части Тёплого было жарко.

Поэтому всем подряд он повторял: «Я тебя люблю».

Наверное, нужно было радоваться, что вот ведь живет на свете такой любвеобильный мальчик, но Тётя мучилась

и не понимала. А может быть, он сам просит так о любви? Умоляет полюбить его еще, распахивая маленькое чернотрапезное сердце. Но если они не смогут, не смогут соответствовать и однажды прогонят его навсегда? Она закрывала глаза. Или он строил из себя такую прочную крепость, в которой каждое «я тебя люблю» — кирпич? Думал, что спрячется, и мир его больше не тронет, простит и отпустит — за его любовь.

Многоэтажное стеклянное здание сглотнуло ее, не жуя, пустое лицо охранника даже не поглядело в вынутый из кармана пропуск.

Она втискивается в лифт, нажмите, пожалуйста, десятый. На табло выскакивает красный человечек. Перегрузка.

Слон в Оренбурге

Нынешним летом в Петербург приведут слона, купленного бухарским ханом в Афганистане и посылаемого в дар высочайшему двору. Слон теперь зимует в Оренбурге и с весны отправится в Северную Пальмиру. Он еще дитя: ему всего 14 лет. Из Оренбурга пишут, что этому гостю каждодневно отпускается по пуду муки, 5 фунтов сахару и столько же сала. Из этого делают тесто, заменяющее слону сахарный тростник, составляющий любимую его пищу на родине. Он дошел до Оренбурга в башмаках, и в такой же обуви совершит и дальнейший путь.

Глава вторая

В тот же самый день, спустя полтора часа, проснулся Коля. С чувством беспричинного счастья. Ну, не счастья. Легкости. Глянул на часы — 9:20! Как сладко поспал, на работу опоздает, но сегодня можно — Крюк сказал, что поедет по клиентам, значит, до обеда свобода. Коля откинул одеяло, потерся-почесался затылком о подушку, босиком прошлепал на кухню, залитую солнечным светом. На столе лежали сыр, колбаса, хлеб. Вот и завтрак ему. Нормально. Пахло листьями, вот они в вазе. Осенью пахло, но тепло-то — чистое лето!

Он любил просыпаться один. Когда не надо вести Теплового в сад, в спешке одеваться, бриться, потом умыть-одевать сына, запихивать в него кашу, тащить скорей на трамвай — не надо ничего. Можно подтянуться с десятков раз на турнике, который сам сделал в коридоре, отжаться, потягать гантели — снова почувствовать мускулы и тело, послушное, крепкое, молодое.

После небольшой, но энергичной разминки Коля взмок, с наслаждением встал под душ. Всегда он любил воду, в любом виде — и когда сидел-смотрел на нее на рыбалке, и когда скользил по ней и носился.

Как же он был теперь благодарен Сереге — вот кто их вытянул, приобщи́л — прошлым летом всё началось, в России про это вообще мало кто слышал, но Серега съездил на Гавайи. Вернулся загорелый, веселый, с громадным рюкзаком. В рюкзаке лежал кайт со всем снаряжением. А потом Серый подарил ему на день рождения такой же. Подарок был, конечно, царский, всё-таки чересчур. «Да мне просто компания нужна!» — оправдывался Серега и снова говорил только о кайте, какой это кайф, реально чувствуешь ветер, шеголял словечками — «карвинговый поворот», «буст», «депауэр», и относительно понятное — «галс».

Первый раз поехали в том еще сентябре, в Египет, учиться. В голубой лагуне Серега уже гонял, правда, пока простенько, без прыжков. Коля начал брать уроки у Рутгарта, синеглазого голландца с красным обветренным лицом. Рутгарт выделявал на воде такие штуки, от которых они с Серегой только беспомощно матюгались. По-русски Рутгарт не говорил. Ветер дул хороший, особенно к вечеру. Ideal! — радовался их новый голландский друг. Через неделю тренировок сушняком Коля первый раз вышел в море. Почти час плавал попой в воде, держа кайт над собой, учился создавать тягу и тормозить, несколько раз пытался подняться, но кайт упрямо падал в воду, один раз до искр в глазах больно ударился о доску локтем. Но в конце концов он сделал всё верно. Направил доску вниз по ветру, дождался тяги и встал! Проскользил несколько метров, распрямился, тут доска начала тонуть, и снова он бултыхался в воде. Но теперь он понял, поймал. Нельзя забывать про тягу, и, поднявшись, надо не разевать рот, а сразу же управлять, ставить кайт по центру окна, ветрового. И снова он нащупал тягу, встал, поправился под ветер. И рванул. Помчался! Только довольный голос Рутгарта зазвенел в спину: Good job!

Коля несся по воде, лицом к морю, вспарывал доской ровную темную гладь. Брызги стелились розовой пеленой,